

В.Я. Богучарский

**Из истории политической
борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX
века**

**Партия "Народной воли", ее
происхождение, судьбы и гибель.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

- В11 **В.Я. Богучарский**
Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия "Народной воли", ее происхождение, судьбы и гибель. / В.Я. Богучарский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 492 с.

ISBN 978-5-458-13374-6

Большая часть глав предлагаемой работы была уже напечатана в прошлом и текущем годах на страницах журнала Русская Мысль. Благоклонное внимание, которое вызвали эти статьи со стороны читателей и которое выразилось во многих о них отзывах в столичной и провинциальной прессе.

ISBN 978-5-458-13374-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть главъ предлагаемой работы была уже напечатана въ прошломъ и текущемъ годахъ на страницахъ журнала Русская Мысль. Благоклонное вниманіе, которое вызвали эти статьи со стороны читателей и которое выразилось во многихъ о нихъ отзывахъ въ столичной и провинціальной прессѣ, равно какъ и въ полученныхъ авторомъ отъ разныхъ лицъ письмахъ съ весьма цѣнными замѣчаніями касательно тѣхъ или другихъ, разсматриваемыхъ въ его работѣ, событій, а также съ указаніями на относящіяся къ нимъ матеріалы и т. д.,—такое вниманіе позволяетъ автору думать, что его работа является своевременною и отвѣчающею общественной потребности въ точномъ знаніи событій, волновавшихъ русскую жизнь тридцать лѣтъ тому назадъ.

Хотя въ настоящей книгѣ сравнительно съ тѣмъ, что уже было напечатано въ Русской Мысли, многое дополнено, переработано и развито, тѣмъ не менѣе о всей неполнотѣ своего изслѣдованія авторъ отдаетъ себѣ совершенно ясный отчетъ. Но какова бы ни была неполнота его работы и каковы бы ни были другіе ея недостатки, авторъ считаетъ себя вполне удовлетвореннымъ сознаніемъ, что его работа является въ русской исторической литературѣ первой попыткой систематизировать, подвергнуть критической разработкѣ и объединить въ цѣльный

очеркъ, сверхъ относящихся сюда данныхъ изъ источниковъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, также въ количественномъ отношеніи весьма значительные и въ качественномъ нерѣдко очень важные, но крайне разбросанные, издававшіеся преимущественно за границею или являвшіеся произведеніями русской тайной печати, составляющіе весьма часто библиографическія рѣдкости и потому требовавшіе для ихъ собиранія многолѣтнихъ, специальныхъ изысканій, матеріалы по исторіи русскаго освободительнаго движенія въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, — эпоху конца семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ.

Кромѣ печатной литературы предмета авторъ пользовался и нѣкоторыми новыми документами, а также въ высшей степени цѣнными свѣдѣніями, сообщенными ему многими прямыми участниками или свидѣтелями различныхъ событій разсматриваемаго въ настоящей работѣ движенія. Всѣмъ этимъ лицамъ, — большую часть именъ ихъ читатели встрѣтятъ въ текстѣ книги, — авторъ приноситъ глубочайшую признательность.

Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе почти исключительно на движеніи такъ называемомъ „народовольческомъ“, но онъ счелъ необходимымъ въ связи съ тѣмъ останавливаться болѣе или менѣе подробно и на другихъ теченіяхъ общественной мысли, — особенно земскомъ и псевдо-земскомъ, — имѣвшихъ мѣсто въ ту же эпоху русской жизни. Быть можетъ, работа эта вызоветъ появленіе трудовъ по тому же предмету другихъ изслѣдователей, и тогда теперь отъ насъ еще не очень удаленная,

но все болѣе и болѣе уже отходящая въ даль исторіи,—эпоха конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, выступить въ очертаніяхъ гораздо болѣе полныхъ и яркихъ, чѣмъ въ настоящее время. Безъ яснаго же представленія именно о той эпохѣ едва ли можетъ быть вполнѣ осознана и эпоха, нами нынѣ переживаемая.

Въ своей работѣ авторъ старался быть вполнѣ объективнымъ, считая принципъ „amicus Plato, sed magis amica veritas“ первымъ условіемъ для разрѣшенія поставленной имъ себѣ задачи. Историкъ нѣмецкой социаль-демократической партіи Мэрингъ писалъ:

„Я чувствую, какъ часто и рѣзко мнѣ придется выступать противъ многихъ традицій, многихъ представлений, которыя близки сердцу многихъ и притомъ не самыхъ плохихъ членовъ партіи. Никто такъ ясно не пойметъ субъективнаго оправданія, даже объективной неизбѣжности такихъ преданій и представлений, какъ историкъ революціонной рабочей партіи, но ему, менѣе чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ щадить ее. Историческое повѣствованіе, которое остановилось бы осторожно передъ той или иной легендой, какъ бы понятна и извинительна она ни была, тѣмъ самымъ призналъ бы его лишеннымъ всякой цѣнности.“

„Если революціонная рабочая партія подвержена общей участи борющихся армій — создавать себѣ легенды и ореолы, то ей нѣтъ надобности, слѣдуя извѣстному совѣту Мольтке, искусственно поддерживать такія легенды въ качествѣ необходимаго элемента своей дисциплины. Для нея необходима, напротивъ, безпрестанная самокритика“. ¹⁾

¹⁾ Мэрингъ. т. I. (русскій переводъ) стр. 380—381.

Эти слова Мэринга примѣнимы, конечно, не къ однимъ только исторіямъ революціонныхъ рабочихъ партій, но и вообще ко всякому безпристрастному историческому изслѣдованію общественныхъ движеній, на какой бы изъ боровшихся въ такихъ движеніяхъ сторонъ ни лежали симпатіи изслѣдователя.

Достигнуть такой именно безпристрастности и старался авторъ настоящей работы. Насколько это автору удалось,—судить не ему.

Что касается до точки зрѣнія, которой держится авторъ на самое движеніе, составляющее предметъ на работы, то говорить о ней здѣсь нѣтъ надобности, ибо точка зрѣнія эта, ясна изъ текста книги.

Авторъ.

Октябрь. 1911 г.

I.

Исполнительный Комитетъ до-народовольческой и Исполнительный Комитетъ партіи „Народной Воли“.

Въ центрѣ организациі „Народной Воли“ стоялъ, какъ извѣстно, „Исполнительный Комитетъ“.

Изъ разоблаченій члена этого Комитета Григорія Гольденберга, ряда политическихъ процессовъ 1880—1884 гг. и мемуаровъ многихъ народовольцевъ извѣстно, что Исполнительный Комитетъ получилъ свое начало на съѣздѣ 11 революціонеровъ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи („Липецкій съѣздъ“), продолжавшемся съ 17 по 21 іюня 1879 г.

Но организациа, носившая названіе „Исполнительный Комитетъ“ и „Исполнительный Комитетъ Русской Соціально-Революціонной Партіи“, существовала и до Липецкаго съѣзда. Она находилась съ Комитетомъ, возникшимъ въ Липецкѣ, въ нѣкоторой преемственной связи. По показаніямъ Гольденберга, участники съѣзда остановились на этомъ названіи именно „въ виду его традиціоннаго значенія для публики“¹⁾.

Гдѣ же, когда и при какихъ обстоятельствахъ возникъ „Исполнительный Комитетъ“ эпохи до-народовольческой?

Объ этомъ въ исторической литературѣ имѣются нѣкоторые материалы, среди которыхъ первое мѣсто принадле-

¹⁾ „Процессъ 16-ти террористовъ (1880 г.)“. Подъ редакціею и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Русская Историческая Библиотека, № 3, стр. 18.

жить превосходному разсказу несомнѣнно талантливѣйшаго изъ эмигрантовъ-мемуаристовъ народническаго періода освободительнаго движенія В. К. Дебагорія-Мокріевича¹⁾.

Но прежде нѣсколько словъ о до-народовольческомъ періодѣ революціоннаго движенія вообще.

До возникновенія „Народной Воли“, болѣе или менѣе объединившей разбросанные по Россіи революціонные кружки и отдѣльныхъ лицъ, такъ называемая „Русская Соціально-Революціонная Партія“ не имѣла единой организаціи и состояла изъ значительнаго количества лицъ, объединенныхъ между собою гораздо болѣе солидарностью воззрѣній и настроеній, чѣмъ какою бы то ни было связью формальнаго характера. Существовавшее общество „Земля и Воля“ представляло собою организованную единицу, но оно, конечно, далеко не покрывало собою всю „партію“²⁾.

„Вѣра“ въ социальную революцію и полнѣйшій аполитизмъ были характернѣйшими чертами этого чисто интеллигентскаго, дѣйствительно, абсолютно оторваннаго отъ жизни страны, движенія³⁾. Въ высокой степени безобидное и мечтательное, романтическое и утопическое, оно въ своемъ революціонизмѣ непремѣнно сошло бы само собою на-нѣтъ, если бы не привычка русскихъ правящихъ сферъ пугаться проявленія въ странѣ буквально всякаго шороха.

Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что, столкнувшись въ народѣ съ тѣмъ, съ чѣмъ пропагандисты тамъ въ дѣйстви-

¹⁾ Въ формѣ отрывка изъ автобіографіи („Два года жизни“) мемуары Дебагорія-Мокріевича появились первоначально въ №№ 1 и 2 заграничнаго журнала Вѣстникъ Народной Воли въ 1883 г. Затѣмъ, въ полномъ видѣ „Воспоминанія“ были изданы сначала въ Парижѣ, а позже (въ 1903 году), при содѣйствіи П. Б. Струве — въ Штутгартѣ. Въ „дни свободы“ эти же „Воспоминанія“ были переизданы и въ Россіи. Мы дѣлаемъ цитаты по штутгартскому изданію книги.

²⁾ Общество „Земля и Воля“ состояло изъ находившагося въ Петербургѣ центра и жившихъ въ „народѣ“ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ „колониствова“. Такой выдающійся земледелецъ, какъ скончавшійся въ 1909 году шлиссельбуржецъ М. Р. Поповъ, говоритъ, что „колониствова“-земледелецъ было по деревнямъ въ Россіи 10—20 человекъ. М. Р. Поповъ: „Изъ моего революціоннаго прошлаго“. Было е, 1907 годъ, августъ, стр. 277).

³⁾ Объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ главѣ о русской революціонной литературѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

тельности и столкнулись (вспомните замѣчательный по своей правдѣ, очеркъ Глѣба Успенскаго „Не суйся“, рисующій непроходимую пропасть, раздѣляющую воззрѣнія народа отъ воззрѣній народниковъ), при иномъ отношеніи къ этому движенію со стороны властей, народолюбцы-пропагандисты обратились бы, по существу, въ самыхъ обыкновенныхъ культурниковъ, мирнѣйшихъ гражданъ земли своей? Сколько-нибудь долговременное пребываніе „въ народѣ“ обыкновенно и вело къ такому результату. „Революціонизмъ“ оставался лишь въ качествѣ фразеологіи, „соціализмъ“ — въ мечтаніяхъ.

Возьмемъ даже главнѣйшихъ дѣятелей 1-го марта 1881 г.

Желябовъ не состоялъ членомъ старой народнической организаци и былъ введенъ въ нее лишь на Воронежскомъ съѣздѣ народниковъ, послѣдовавшемъ непосредственно за съѣздомъ Липецкимъ. Тамъ встрѣтился онъ съ землевольцами, и вотъ какое, по словамъ біографа Желябова, произвели они на него впечатлѣніе:

„Желябовъ страшно злился.

„Хороши ваши землевольцы,— говорилъ онъ.— И эти люди воображаютъ себя революціонерами!“)

Самъ Желябовъ стоялъ рѣзко на точкѣ зрѣнія дѣятеля, признававшаго „политику“ и „прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, развивалъ передъ съѣздомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе: „да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ“, говорили правовѣрные соціалисты“ ¹⁾).

Говоря это, „правовѣрные соціалисты“ были недалеки отъ истины. Лишь оставивши въ очень значительной степени народническіе предразсудки и взявшись за „политику“, Желябовъ остался „революціонеромъ“. Или „соціализмъ“ (въ мечтаніяхъ, конечно) — и тогда культурная работа на

¹⁾ „Андрей Ивановичъ Желябовъ“. Лондонъ. 1882 г.— стр. 26. Біографія эта написана Л. А. Тихомировымъ и, по свидѣтельству Г. В. Плеханова, „одобрена къ печатанію Исполнительнымъ Комитетомъ“. (См. „Предисловіе“ Г. В. Плеханова къ русскому переводу книги Туна: „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“. Изд. Библиотеки для всѣхъ. Спб., стр. 40.) Въ наиболѣе существенныхъ чертахъ „Біографія Желябова“ перепечатана въ августовской книжкѣ Былого за 1906 г. Цитируемое мѣсто см. на стр. 114.

дѣлѣ, или „политика“—и тогда „революціонизм“. До синтеза же, который дала впоследствии лишь социаль-демократія,—и то, конечно, не среди ея заговорщическихъ элементовъ,—было тогда, разумѣется, еще далеко.

Кибальчичъ. Въ его, произнесенной по дѣлу 1-го марта, рѣчи находятся слѣдующія въ высшей степени характерныя слова:

„Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе итти въ народъ, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Впрочемъ, я бы осуществилъ эту задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно: поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патриархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы въ царевубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій и т. д.“¹⁾

Кибальчичъ, конечно, могъ мечтать сколько угодно о томъ, чтобы „развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ“,—онъ скоро столкнулся бы съ „Не суйся“,—но что отъ пребыванія въ народѣ этого чрезвы-

¹⁾ „Судъ надъ царевубійцами“. (Судебный отчетъ). С.-Петербургъ. 1881 г., стр. 58—59.

чайно даровитаго человѣка „кустарное производство“, „способы обработки земли“ и пр. только бы выиграли, и задачи „культурнаго характера“, которыя ставилъ себѣ Кибальчичъ, были бы имъ осуществлены,—это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію.

А вотъ что говорилъ на судѣ (по „процессу 17-ти въ 1883 году“) пользовавшійся въ революціонной партіи очень большимъ моральнымъ авторитетомъ, членъ Исполнительнаго Комитета П. А. Теллаловъ:

„Дайте намъ слиться съ народомъ, дайте проявиться той горячей любви, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, и вы увидите, что изъ террористовъ мы превратимся въ мирныхъ учителей и просвѣтителей народа“¹⁾.

И много-много можно было бы еще привести такихъ же примѣровъ.

Но правительство рѣшительно не понимало характера происходившаго въ Россіи народническаго движенія, имѣвшаго огромное значеніе лишь съ этической и культурной его стороны и совершенно не заключавшаго въ себѣ самомъ никакой опасности для „основъ“; не сознавало оно и собственной соціальной мощи, и металось, точно въ самомъ дѣлѣ подъ нимъ дрожала земля.

Чего оно хотѣло, чего боялось?

Книжечъ, которыя пропагандисты распространяли въ народѣ? Но что это были за книжки и сколько было ихъ издано для многомилліонной крестьянской массы?

Сошлемся на свидѣтельство активной участницы этого движенія, лица очень компетентнаго.

Описывая въ біографіи Н. А. Морозова положеніе вещей въ половинѣ 70-хъ годовъ, В. Н. Фигнеръ говоритъ:

„Даже самое главное орудіе дѣйствія на умы — простая грамотность почти отсутствовала въ деревнѣ; нѣ сколько книжекъ подпольнаго изданія, которыя теперь кажутся почти дѣтскими по содержанію и формѣ, составляя весь литературный арсеналъ, предназначенный для читателя-простолюдина. Никакихъ шансовъ на что-нибудь похожее на возстаніе или партизанскую войну, о ко-

¹⁾ Рѣчи подсудимыхъ по процессу 17-ти. Гектографированное изданіе 1883 года.

торыхъ мечталъ Николай Александровичъ (Морозовъ)—не было“¹⁾.

Какимъ же политическимъ горизонтомъ надо было обладать, чтобы — какъ это сдѣлалъ въ своей смѣхотворной „Запискѣ“ министр юстиціи графъ Паленъ,— утверждать объ опасности движенія „въ народъ“ русской молодежи и о томъ, что „къ концу 1874 г. пропагандисты успѣвають покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи“²⁾.

Разумѣется, начались самыя жестокия преслѣдованія. За найденную книжку людей морили, говоря безъ преувеличеній, по 3—4 года въ предварительномъ заключеніи, затѣмъ предавали суду, и, когда судъ ихъ оправдывалъ, либо вмѣнялъ въ наказаніе проведенное въ заключеніи время, высылали административно въ глухія мѣстности Архангельской или Вологодской губерніи и тамъ ставили въ крайне тяжелья условія для существованія.

И опять-таки: зачѣмъ все это правительство дѣлало, чего опасалось?

При такихъ обстоятельствахъ удивительно не то, что у наиболѣе впечатлительныхъ натуръ народническое настроеніе начинало давать бреши, и народники стали то здѣсь, то тамъ относиться съ интересомъ къ вопросамъ „политики“, а то, что политическое мальтузіанство сидѣло еще среди народниковъ такъ долго и такъ упорно.

Политическая мысль пробудилась раньше другихъ среди южанъ.

Тамъ дѣйствовалъ, наприм., уже въ 1878—79 гг., умершій впоследствии въ Шлиссельбургѣ Дмитрій Буцинскій, заявившій на своемъ процессѣ (онъ судился въ Кіевѣ уже въ 1880 г.), что онъ „политическій революціонеръ, а не социалистъ“³⁾.

¹⁾ В. Н. Фигнеръ: „Біографія Н. А. Морозова. Галлерейя шлиссельбургскихъ узниковъ“. Подъ редакціей Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича. Ч. I. Спб., стр. 99.

²⁾ „Записка министра юстиціи графа Палена“.—Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи“. Женева. 1875 г., стр. 10.

³⁾ С. Сватиковъ: „Біографія М. Р. Попова. Галлерейя шлиссельбургскихъ узниковъ“, стр. 170.